

DOI: 10.17803/2542-2472.2026.38.2.111-126

РАЗРАБОТКА В. А. ТУМАНОВЫМ ПРОБЛЕМ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОГО ПЛЮРАЛИЗМА

Беляев Максим Александрович,

главный редактор журнала «Российское право онлайн», доцент кафедры
теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат философских наук
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
mabelyaev@msal.ru

© Беляев М. А., 2026

Аннотация. В статье дан очерк проблемы множественности правовых теорий, характерной для буржуазного общества и нашедшей свое отражение в монографии выдающегося отечественного правоведа В. А. Туманова, изданной в 1971 г. Сделаны следующие выводы. Во-первых, существует потребность обсуждать онтологическую сторону теоретико-правового плюрализма отдельно от гносеологической стороны, поскольку онтология общества напрямую не копируется в сферу права, но сложным образом отражается и легитимизируется в ней. Во-вторых, сохраняется необходимость различать причины и условия (факторы) множественности учений о сущности и предназначении права. В-третьих, конкретный состав причин и факторов теоретико-правового плюрализма должен быть сегодня определен иначе. Морфология общественной реальности сохраняет определяющее и одновременно дополняющее воздействие на правовую науку. Отсутствие общеобязательной идеологии способствует временному забвению проблематики, присущей метанаучному уровню, поэтому обнаружение правовой мыслью своих мировоззренческих основ осуществляется отдельно от методологической рефлексии, ввиду чего метафизические учения обретают приоритет над материалистической диалектикой. В-четвертых, сохраняется невозможность или нецелесообразность внешнего устранения теоретико-правового плюрализма через какие-либо принудительные воздействия на дискурс. Трансформация правовой мысли в сторону монистических установок будет осуществляться только в том случае, если для этой трансформации в обществе будет присутствовать некий запас или мера духовной свободы. В-пятых, исследование В. А. Тумановым причин и условий теоретико-правового плюрализма сохраняет актуальность и значимость, способствуя рефлексивным размышлениям ученых-юристов как над собственным мировоззрением и условиями его воспроизводства, так и над методологией познания права исходя из ее многоуровневого характера.

Ключевые слова: плюрализм концепций права; теория права; правовая онтология; правовая гносеология; буржуазная мысль; метафизика; диалектика

TUMANOV'S CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF THE THEORY OF LEGAL PLURALISM

Maxim A. Belyaev,

Cand. Sci. (Philosophy), Editor-in-Chief, «Russian Law Online» Journal; Associate Professor, Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
mabelyaev@msal.ru

Abstract. The paper provides an overview of the problem of the plurality of legal theories characteristic of bourgeois society, as reflected in the monograph of the eminent Russian legal scholar V. A. Tumanov, published in 1971. The author arrives at several conclusions. First, there is a need to discuss the ontological dimension of theoretical-legal pluralism separately from its epistemological dimension, since the ontology of society is not directly replicated within the sphere of law but is instead reflected and legitimized therein through complex processes. Second, it remains necessary to distinguish between the causes and the conditions (factors) underlying the plurality of doctrines concerning the essence and purpose of law. Third, the specific configuration of the causes and factors of theoretical-legal pluralism must be defined differently. The morphology of social reality continues to exert a determining, yet simultaneously pre-conceptual, influence upon legal scholarship. The absence of a universally binding ideology contributes to the temporary neglect of issues situated at the metascientific level. As a result, legal thought identifies its own worldview foundations separately from methodological reflection, whereby metaphysical doctrines acquire priority over materialist dialectics. Fourth, the impossibility or impracticality of externally eliminating theoretical-legal pluralism through coercive influence upon legal discourse persists. The transformation of legal thought toward monistic orientations may occur only if society possesses a sufficient degree of spiritual freedom capable of enabling such transformation. Fifth, V. A. Tumanov's analysis of the causes and conditions of theoretical-legal pluralism retains both relevance and scholarly significance, encouraging reflexive consideration by legal scholars of their own worldview assumptions and the conditions of their reproduction, as well as of the methodology of legal cognition in light of its multilayered character.

Keywords: pluralism of legal concepts; legal theory; legal ontology; legal epistemology; bourgeois thought; metaphysics; dialectic

Посвящается
100-летию со дня рождения
Владимира Александровича Туманова (1926-2011) —
крупнейшего отечественного ученого-юриста,
соединившего в своей деятельности
высокую теорию и служение идеалам
добра и справедливости

В работе рассматривается объяснение феномена теоретико-правового плюрализма, данное В. А. Тумановым в монографии «Современная буржуазная идеология. К критике учений о праве» (вышла в 1971 г., переиздана в 2010 г.). Цель данного исследования состоит не только в систематизации причин плюрализма, выявленных В. А. Тумановым, но и в приложении обоснованных им выводов к реалиям сегодняшнего дня, поскольку данные реалии могут играть роль своеобразного теста на актуальность в отношении соображений ученого, данных в начале 1970-х гг. Наша гипотеза заключается в том, что условия и факторы, предопределяющие многообразие правовых учений, сегодня частично изменились, а частично остались прежними. При этом нет оснований ожидать исчезновения теоретико-

правового плюрализма в будущем. Многообразие представлений о сущности права оценивается нами как естественное состояние доктринального правосознания, но обстоятельства, в которых это правосознание функционирует, не остаются постоянными, как и всё иное в мире социальных процессов. Сформулировав данные соображения, переведем их из статуса интуитивных в дискурсивные посредством конкретизации и обоснования.

Для начала необходимо уточнить, что собой представляет теоретико-правовой плюрализм, и разъяснить, в силу каких причин его существование требует отдельного внимания. При этом следует отметить, что работа В. А. Туманова является, по всей видимости, уникальной для своего времени. Нам неизвестны иные сочинения советских авторов, посвященные, хотя бы и в какой-то своей части, проблеме множественности правовых теорий (хотя в целом это обстоятельство упоминается у большинства исследователей правовой мысли XIX–XX вв., таких как И. П. Разумовский, Л. С. Мамут, В. С. Нерсисянц, В. М. Сырых и пр., но упомянуть некое обстоятельство фактического плана не означает превратить его в научную проблему и разработать теоретически). Возможно, такого рода «дискурсивная неполнота» связана с тем, что данную проблему наиболее точно можно зафиксировать, применяя одновременно исторический и логико-гносеологический подходы к доктринальному правосознанию, а именно этого-то авторы в большинстве своем и не делали. Либо они занимались чисто историческими исследованиями, либо философскими, тогда как В. А. Туманов достаточно убедительно показал необходимость и эффективность совместного использования двух подходов к одним и тем же явлениям. Что же касается постсоветских публикаций в области теории государства и права, они в основном сосредоточены на феномене правового плюрализма, т.е. их интересует не столько предмет юридической науки, сколько ее объект. Это по-своему понятный и мотивированный интерес, поскольку уровень теоретического знания с прикладной точки зрения рассматривается как ресурс возможных интерпретаций, а накопленный массив знания практических проблем правовой жизни — как интеллектуальная основа верного и справедливого применения права, т.е. приоритет остается за практикой и ее потребностями. Другими словами, проблемы правового плюрализма легче воспринимать как практически значимые по сравнению с проблемами множественности теоретических описаний права. Об этом свидетельствует, например, суждение С. В. Бирюкова, согласно которому «развитие единого юридического права есть развитие сферы свободы. Но этот же процесс в конечном счете может увеличить взаимозависимость внутри общества, сферу социального контроля за поведением элиты, а затем по эффекту бумеранга — и всех граждан. Однако тенденция к упадку суверенного государства, к вытеснению государственного права правом международных организаций, союзов государств тоже не меняет направления исторического движения и лишь вначале ведет к плюрализму, понимаемому как возможность выбора системы права. В действительности она может быть связана с постепенным формированием нового правового монизма, с еще бóльшим ростом сферы социального контроля, стандартизацией права, уменьшением возможности влияния человека на разные уровни бюрократии»¹. Социальные процессы цикличны, и переход от состояния правового плюрализма к его собственной противоположности также цикличен, т.е. может повторяться многократно. Здесь действительно огромную роль играет политика, а там, где политическая рациональность вступает в действие, чисто исследовательский интерес не может получить полного и всестороннего удовлетворения ввиду расхождения в представлениях о рациональности социальных практик.

Поэтому теоретико-правовая множественность менее популярна как предмет изучения, но представляет собой благодатную почву для получения новых знаний о закономерностях социального уровня организации материи. Хорошо известно, что познание представляет собой моделирование реальности посредством понятий и иных более сложных знаково-символических форм. Опираясь на взаимоотношения

¹ Бирюков С. В. К вопросу о правовом плюрализме // Журнал российского права. 2016. № 2. С. 25.

этих форм, мы можем предвидеть некоторые положения дел в самой реальности, поскольку истинное знание довольно точно (в пределах текущей потребности) отражает соответствующий объект или систему объектов. В этом случае развитая теория права позволяет не только видеть строение и динамику права как системы в настоящем времени, но и предвидеть будущие состояния права на макро-, мезо- и микроскопическом уровнях. Прогнозирование — важная функция науки, но эта функция осуществима на разных временных интервалах. При этом в ходе подготовки разного рода прогнозов неизменность исследуемых и исследованных объектов молчаливо предполагается, хотя это, безусловно, верно с некоторыми оговорками для неживой природы, не верно с некоторыми оговорками для природы живой, а для реальности общественной это утверждение неверно в принципе. Иными словами, предвидеть направления трансформации права и государства научным путем возможно лишь до той поры, пока ведущую роль в этой трансформации играют те же силы и факторы, которые известны нам в настоящий момент, которые включены в расчет как играющие важную роль. Со временем данные силы и факторы сменятся другими, что заставит готовить прогнозы на новой фактологической основе.

В основе предвидения будущих состояний системы лежит принцип детерминизма, т.е. всеобщей обусловленности явлений, однако понимаемый социальными науками не столь жестко по сравнению с естествознанием. Если в физике на множестве событий, например, в области механики строго определены и причина, и следствие, то в истории, языкознании, социологии и иных науках о человеке и обществе причина понимается как нечто высоковероятное, но не безусловное. Это связано с вариабельностью человеческого поведения, неполнотой отражения внешнего взаимодействия людей в их сознании, наконец, присущей человеку свободой воли. При этом методологически в стандартах научного исследования ничего не меняется: хорошее объяснение в любом случае не может обойтись без принципа детерминизма, соединяя его в ходе прогнозирования с приемом экстраполяции, когда выявленные закономерности продлеваются нами в некоторое будущее время в неизменном виде. Тогда теоретико-правовой плюрализм можно определить как ситуацию в науке, при которой один и тот же объект познания (явление правовой жизни, элемент правовой системы) рассматривается как следствие различных причин, так что и количество, и значение данных причин в разных научных объяснениях не совпадают. Кристаллизацией этой множественности являются определения права, противоречащие друг другу, если их довести до максимальной концептуальной остроты и определенности. Но по законам формальной логики истинное описание не может складываться из противоречивых составляющих, поэтому принятие одного определения как истинного заставляет нас признавать иные (конкурирующие) определения в качестве ложных. Плюрализм, однако, не доходит до этого окончательного решения, сохраняя несовместимые определения и признавая за каждым из них определенную долю истинности. Показательно, что эта его черта вызывает порой жесткую критику со стороны ученых. Так, В. М. Сырых пишет: «Вариационный характер общей теории права некоторыми российскими правоведами оценивается как благо, как реальная возможность расширить и углубить имеющиеся представления о праве, его закономерностях. <...> Однако в действительности многообразие теорий права, плюрализм в понимании и оценке российскими правоведами ее предмета, системы закономерностей возникновения и функционирования права имеет больше негативных, чем позитивных сторон. В отличие от Януса истина не может быть многоликой. Ее постижение — сложный, диалектически противоречивый акт познания, допускающий существование не только плодоносных теорий, но и пустоцветов. Поэтому наблюдаемое ныне многообразие теорий права есть объективный факт, свидетельствующий о сравнительно невысоком уровне теоретических представлений российских правоведов о праве, его закономерностях, о том состоянии теории, когда исследователи еще не способны отличить плодоносную теорию права от пустоцветов и вынуждены в поисках истины о праве впустую перерабатывать “тысячи тонн словесной руды”. Вопрос же о том, какая из конкурирующих ныне теорий права

наиболее полно и верно отражает закономерности данной науки, объясняет и прогнозирует политико-правовые процессы современности, требует содержательного анализа этих теорий и соответственно лежит за пределами исследуемых в данной работе проблем логических оснований данной науки»². Те обвинения, которые В. М. Сырых адресует российским ученым, в работе В. А. Туманова тоже обнаруживаются, они направлены в сторону адептов буржуазной правовой идеологии, но методологически суть одна и та же: множество равноценных и находящихся на одном уровне обобщения и одновременно несовместимых истин о праве, если таковое существует, есть некий неблагоприятный симптом для познания. Либо мы в этом случае имеем частные суждения, не претендующие на статус общего учения, либо мы по какой-то причине отказываемся видеть и устранять противоречие там, где оно действительно существует. Такого рода неблагоприятная ситуация, если верить В. М. Сырых, переключалась из зарубежной правовой науки в отечественную. Косвенно здесь утверждается, что советская правовая мысль была или по меньшей мере старалась данных проблем избегать, будучи методологически более «подкованной». Впрочем, сам В. М. Сырых так не думает, да и развернутого исследования различий советского и постсоветского доктринального мышления о праве он не дает, главным образом ввиду иных целей, поставленных в работе.

Таким образом, теоретико-правовой плюрализм можно понимать онтологически (закономерности одного и того же объекта, т.е. правовой системы, рассматриваются как следствия различных причин) и гносеологически (одновременно наличествуют несовместимые логически определения права, каждое из которых не отвергается в качестве ложного). Второй аспект плюрализма с точки зрения потребностей описания и критики всегда немного более заметен по сравнению с первым, это, на наш взгляд, связано с тем, что логические отношения суждений носят более поверхностный характер по сравнению с причинно-следственными связями, полагаемыми разумом внутри объекта или системы объектов. Отношения противоречия легко заметить, а их установление не требует особой методологической установки, тогда как установление причинно-следственных связей требует принятия детерминистских принципов. Понятно, что советский теоретико-правовой дискурс, будучи сформированным под воздействием философского материализма XIX в., не чуждается разговора о закономерностях, но современные авторы довольно редко обращаются к этому понятию.

Легко заметить, что проблематика, которую репрезентирует В. А. Туманов во второй главе своей фундаментальной монографии, во-первых, носит метанаучный характер, во-вторых, не требует какой-то особенной, изощренной оптики для своего обнаружения и описания. По мере роста рациональной составляющей в правовом знании возрастала и степень разнообразия существовавших учений и концепций. В древности теорий права не было вообще, сознание довольствовалось мифологемами и иными выразительными образами, поэтому даже говорить о плюрализме и монизме как конкурирующих альтернативах у нас нет никакого действительного повода. А вот, например, в XIX столетии западная научная мысль представляет собой достаточно разнообразный ландшафт, чье понятийно-категориальное устройство оказывается настолько сложным, что его описание выглядит как несколько линий, то идущих параллельно, то и вовсе расходящихся в некоторой обозримой перспективе. Потому мы и говорим о возрастании рациональности в правовом мышлении: образы последовательно замещаются понятиями, а сами понятия формируют новые структуры, которым на чувственно-материальном уровне уже ничто не соответствует. Таково движение разума на пути погружения в исследуемую социальную реальность.

Проблема, на наш взгляд, состоит в том, что исторический подход, посредством которого можно обнаружить множественность теоретико-правовых воззрений, удовлетворяется описанием, но не переходит к осуществлению объяснения. Чтобы такое объяснение было дано, необходимо переместиться на более высокий уровень

² Сырых В. М. Логические основания общей теории права. 2-е изд., стер. М. : Юстицинформ, 2004. Т. 1 : Элементный состав. С. 139.

исследований, где предметом анализа выступают закономерности развития единиц научного знания. Очевидно, юридической научной общественности подобного рода переходы не всегда кажутся обоснованными и полезными, ведь они не предполагают столь же быстрого и эффективного возвращения обратно. Восхождение в область сложных абстракций не компенсируется последующим нисхождением к конкретной единичности, вооружившись исключительно философскими методами, нельзя усмотреть новый социальный факт. Располагая сведениями о том, как устроено, например, сообщество правоведов, все-таки нельзя предсказать, какие научные истины и в каком порядке будут открыты этим сообществом. Поэтому метанаучный уровень правового мышления в принципе может быть популярным только за счет склонности конкретного исследователя к философским обобщениям, тогда как серьезное осмысление теоретико-правового плюрализма потребовало бы отдельной познавательной стратегии, реализуемой целым коллективом ученых.

Таким образом, фактический характер плюрализма правовых концепций представляется для большинства исследователей наименее проблемной ситуацией, не заставляющей работать над ее преобразованием, тем более что какого-то единственного мыслящего субъекта, которому можно было бы вменить ответственность за плюрализм, не существует, поскольку перед нами эффект, свойственный сообществу мыслящих индивидов. Вполне вероятно, что множественность суждений расценивается большинством исследователей как некая норма — либо общесоциальная, либо внутрикорпоративная. С общесоциальной точки зрения гипотезы о правовой системе, ее структуре и функциях разнообразны, поскольку нет ни одного субъекта, которому такое знание было бы дано во всей своей полноте. В каком-то смысле одним из условий прочной социальной коммуникации как раз и выступает распределенность знания о том, как устроены и работают социальные институты, устранить эту распределенность означает устранить и интерес индивидов к взаимодействию, т.е. аннигилировать человека как «политическое животное» (выражение Аристотеля). С другой точки зрения, условно названной внутрикорпоративной, речь должна идти об устройстве научного сообщества, принадлежность к которому для конкретного исследователя означает верность определенным установкам и одновременное отвержение установок, культивируемых в других сообществах. Потребность в принадлежности сообществу в совокупности с коллективистскими практиками социализации начинающих ученых приводят к формированию научных школ или, более широко, парадигм, каждой из которых присущи свои онтологические и гносеологические представления об изучаемых институтах общества, в том числе государстве и праве.

Другой важный момент состоит в том, что эпоха, в которую В. А. Туманов создавал свое исследование правовой идеологии, сама характеризовалась довольно сильной идеологизацией общественных наук. Партийный контроль прямо или косвенно требовал от ученых ссылаться в своих работах на сочинения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, а также на решения съездов ВКП(б) — КПСС, партийные пленумы и иные документы, не имеющие непосредственного научного значения, но способствующие легитимации самого дискурса. Отсюда и специфическая лексика, употребляемая исследователями, деление общественных теорий на реакционные и прогрессивные и т.д. Говоря в общем, от советских авторов ожидалось использование передовой научной методологии, каковой считалась материалистическая диалектика, а все иные подходы (феноменологический, герменевтический и т.д.) априори объявлялись второсортными, идеалистическими и вдобавок неэффективными. В этом контексте ценным является замечание И. П. Меркулова о том, что «методы построения научных теорий не имеют непосредственных аналогов в природной или социальной действительности, и поэтому их нельзя рассматривать наивнореалистически в качестве репродукции “естественных” способов организации реальных объектов»³. Непосредственная опора на знание о том, как устроено право и чью волю

³ Меркулов И. П. Теория как метод научного познания // Вопросы философии. 1985. № 3. С. 42.

оно выражает, вряд ли может считаться достаточным условием для разработки полноценной исследовательской методологии, чьи основы с необходимостью должны заимствоваться из иных концептуальных систем, в первую очередь из философии. А именно философия и претерпевала в советское время мощный натиск со стороны партийных идеологов.

Как пишет сам В. А. Туманов, «буржуазной науке известно значительное число общетеоретических учений и концепций о сущности и роли права. Наиболее крупные из них распадаются на подшколы и подвиды. Ситуация нередко напоминает нечто вроде настоящей инфляции конструкций и точек зрения. Если даже исходить из того, что деление на направления и школы — закономерность развития науки, то и тогда множественность буржуазных учений о праве носит гипертрофированный характер»⁴. Эту описательную характеристику автор как раз в своей работе и подтверждает, затрагивая в той или иной степени огромное количество добросовестно изученных им англо-, франко- и немецкоязычных сочинений, проходящих под рубрикой «правовая идеология». Но вот оценочная характеристика, которую дает В. А. Туманов, как видим, выглядит резко отрицательно. Инфляция точек зрения означает обесценивание каждой из них. Иными словами, чем больше имеется концепций, тем менее значима любая из их множества. Так ли это? Ответить на этот вопрос можно лишь посредством тщательного изучения всех причин и условий теоретико-правового плюрализма.

Важное методологическое замечание: согласно В. А. Туманову, следует говорить о трех группах причин или факторов, влияющих на множественность правовых доктрин: социальных, исторических, гносеологических⁵. Но всё же автор чаще называет их именно факторами, а не причинами. Случайно ли такое словоупотребление, мы не можем знать точно, но у нас есть потребность его прокомментировать. Когда мы оперируем понятиями «фактор» или «условие», наше представление о степени связанности тех или иных событий или явлений оказывается несколько менее категоричным по сравнению с апелляцией к «причинам». Связь причины и следствия, как правило, является жесткой и единообразной, по крайней мере, это соответствует стандартам классической рациональности. Если же мы говорим о множестве факторов, то подразумевается, что ни один из них не является исключительным в своей функциональной роли, так что результат развития всегда оценивается нами как последствие взаимодействия множества факторов, разделение которых происходит лишь аналитически, в сознании исследователя, т.е. абстрактно. В реальности же эти факторы образуют конкретное, слитно функционирующее единство. В какие-то периоды времени один из факторов оказывается определяющим с точки зрения силы воздействия, тогда его можно относить к причинам. При этом такого рода причинное воздействие может трансформироваться, когда на первый план выходят иные факторы. Например, при переходе от первого технологического уклада ко второму (конец XVIII в.) воздействие технологий на политические отношения и их правовую форму было незначительным, тогда как переход от пятого к шестому технологическому укладу (датируемый началом XXI в.) универсализирует роль технологий, превращая их в цивилизационный вызов для традиционного правопорядка и практик политического господства.

Социальные факторы и условия теоретико-правового плюрализма рассматриваются В. А. Тумановым как первичные, поскольку они описывают устройство капиталистического общества, исторические фиксируют определенную конфигурацию действующих субъектов (сообществ, в данном случае — классов), гносеологические характеризуют состояние общественного сознания и в этом качестве могут рассматриваться как производные, вторичные (хотя такого понятия у автора в работе нет). Степень вариативности факторов и условий теоретико-правового плюрализма возрастает одновременно с их удаленностью от экономического базиса, поэтому именно

⁴ Туманов В. А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве // Избранное. М. : Норма : Инфра-М, 2010. С. 71–72.

⁵ Туманов В. А. Указ. соч. С. 73.

в понятийно-категориальной сфере, т.е. в «верхнем» слое общественного сознания мы обнаруживаем невиданное разнообразие формулировок о сущности, ценности и предназначении права, каждая из которых, как представляется на первый взгляд, имеет столько же прав на существование, как и всякая иная. Логико-понятийные конструкции, взятые в отдельности от производящих их социальных реалий, обладают условно-самостоятельным существованием. Как полагает В. А. Туманов, в отделении юридических понятий от их социальной основы значимую роль играют «особенности так называемого юридического мышления, складывающегося в процессе правоприменительной деятельности и формальнологической (орфография авторская. — М. Б.) обработки и систематизации действующего права. Для этого мышления характерна порождаемая практическими потребностями тенденция к четкому разграничению на формальнологической основе правовых понятий, норм, составов, институтов. С неизбежностью переносимые из практико-прикладной области в сферу общей теории права навыки такого мышления ведут к тому, что проблемы и на этом уровне ставятся так, будто речь идет об отграничении одного правового института или состава от другого. <...> В результате общетеоретические проблемы правоведения, для решения которых необходимо выявить сложные диалектические связи и зависимости, выступают в форме логической антиномии, построенной по принципу “или-или” и решаемой по закону исключенного третьего. Существует, например, тесная зависимость между причинными связями, обуславливающими право, и целями, которые оно преследует. Однако если вопрос формулируется так: “Относится право к сфере причинности или к сфере финальности?” — то уже сама такая постановка вопроса предreshает неправильное направление поиска»⁶.

Таким образом, по мнению В. А. Туманова, создатели концепций, объясняющих суть и социальное назначение права, не свободны от стандартов юридического мышления, чьим предметом выступает прежде всего нормативный материал. В этой зависимости, на наш взгляд, нет ничего специфического или связанного с определенным типом общественно-экономической формации, поскольку потребности практики диктовали направление интеллектуального поиска и в Средние века, и в эпоху Просвещения, и сегодня. Другое дело, что мышление, центрированное на решении частных задач, вряд ли способно без дополнительной философско-методологической опоры генерировать обобщения высокого уровня. И в этом случае становятся важными философские предпочтения конкретного исследователя или сообщества ученых.

В монографии В. А. Туманова в полном соответствии с духом времени проводится противопоставление метафизики и диалектики как философских методов, противоположных по происхождению и потому не совмещаемых в едином научном поиске. Такое противопоставление восходит к основоположникам марксизма, неоднократно легитимируется в работах В. И. Ленина и до определенного времени поддерживалось советскими философами. Суть состоит в том, что метафизика склоняется к идеализму платоновского типа, который признает первичность идеи над вещью. Исследователь, симпатизирующий метафизике и вооруженный ей, методически, т.е. последовательно отрывает некую часть системы от целого, объявляет о самостоятельном существовании этой части, чем совершает гносеологическую подмену. Например, способ бытия естественных прав с точки зрения некоторых мыслителей рассматривается именно метафизически: естественные права суть идеи или принципы, чье бытие автономно от воли государств, сообществ, классов и вообще каких-либо субъектов. Нормативистская версия правовой теории, разработанная Г. Кельзеном, призывает рассматривать право как логически связанную систему норм, за пределами которой нет ничего, имеющего в себе правовое содержание. В той же мере может быть абсолютизировано и бытие юридической практики (как это делает американский правовой реализм), и человеческая психика как вместилище образов и понятий правовой жизни индивида (как это делает Л. И. Петражицкий). Всё это суть образцы метафизики теоретико-правового мышления, и с точки зрения

⁶ Туманов В. А. Указ. соч. С. 111–112.

В. А. Туманова, такие образцы принципиально неполны и не могут претендовать на научность именно ввиду специфики методологии.

Альтернативой метафизики, как опять-таки утверждает марксизм-ленинизм, выступает диалектика, причем освобожденная от идеалистических корней и всецело соединившаяся с материализмом. Что означает диалектически подойти к осмыслению правовой реальности? В. А. Туманов отвечает на этот вопрос так: «осмыслить ее [реальность] в сложной взаимосвязи всех ее элементов, в противоречивом единстве необходимости и свободы, причинности и финальности, отражения и социального творчества, структуры и процесса, континуитета и прерывности»⁷. Действительно, если метафизика констатирует неизменность определенных сущностей, то диалектика в противовес этому декларирует вечную подвижность и изменчивость всех форм бытия, как материального, так и символически-духовного. Последнее, впрочем, всё равно является материальным, представляя собой его специфический модус, самостоятельным существованием не обладающий. Говоря строго, самостоятельно существует лишь материя как субстанция, т.е. всеобщая основа конкретных вещей и процессов, все прочее не абсолютно и с течением времени приобретает какие-то новые качества, попутно теряя ранее имевшиеся. В общих чертах диалектический метод задает и онтологию, схему реальности, чем не может похвастаться метафизика.

Надо, кроме того, иметь в виду, что диалектический метод не отрицает наличие сущностей у чего бы то ни было. Как справедливо пишет Д. А. Керимов, «под сущностью права следует понимать те внутренние и необходимые, общие и основные, существенные, главные и устойчивые свойства, признаки, черты правовых явлений, единство и взаимообусловленность которых определяют их специфику и закономерности развития. Это определение позволяет провести различие между категориями сущности и явления права. Во-первых, сущность права выражает общие закономерности развития правовой действительности, в то время как отдельные правовые явления или их группы выражают лишь специфичные закономерности их развития. Во-вторых, в сущности права представлены все основные, существенные, главные характеристики правовых явлений в их единстве, тогда как отдельные правовые явления не только не могут обладать этим качеством, но нередко содержат неосновные, несущественные, неглавные их свойства, признаки, черты. В-третьих, в сущность права включено лишь нечто внутреннее, глубинное, необходимое, а в правовые явления — зачастую внешнее, поверхностное, случайное. В-четвертых, сущность права более устойчива, спокойна, постоянна, в то время как правовые явления отличаются подвижностью, изменчивостью, текучестью. Наконец, в-пятых, если сущность права, как нечто общее для всех правовых явлений, может быть выражена только и исключительно посредством данных правовых явлений, то последние выступают сами по себе, прямо и непосредственно»⁸. Благодаря этой цитате мы видим, что различие между метафизикой и диалектикой в вопросах онтологического осмысления правовой реальности лишь в том, что с метафизической точки зрения, если нечто является сущностью, оно не может быть ничем иным, тогда как с диалектической, если нечто — сущность в одной системе взаимосвязей, то оно же в другой системе взаимосвязей может выступать как явление, поскольку внешнее с внутренним, обусловленное с обуславливающим способны, говоря образно, меняться местами.

Но в трудах самого В. А. Туманова, а также В. М. Сырых и, например, раннего С. С. Алексеева речь шла, как мы полагаем, не о преимуществах диалектики, а о проблемах ее применения в конкретном исследовании юридических проблем общества. Задача при этом состоит в том, чтобы сохранить указанную конкретику, в противном случае социальная ценность познания будет утрачена. Рискнем утверждать, что исследовательская миссия диалектики в социальных науках оказывается более сложной, поскольку от разума здесь требуется какая-то невиданная и не свойственная для большинства ситуаций изобретательность. Укажем лишь на одну методологическую особенность. Так, на стороне метафизики полноценно и безотказно

⁷ Туманов В. А. Указ. соч. С. 111.

⁸ Керимов Д. А. Философские проблемы права. М. : Мысль, 1972. С. 42.

работает формальная логика, поскольку, как мы ранее уже говорили, результаты познания фиксируются в виде понятий, а понятие как форма мысли представляет собой нечто неизменное (аристотелевский закон тождества напрямую запрещает изменять содержание или объем понятия в ходе какого-либо рассуждения, или же — как вариант, такое изменение всякий раз должно быть явно обозначено). Раз наше научное мышление не может обойтись без понятий, а все правила дискурсивного, т.е. рассудочного мышления ориентированы на их неизменность, возникает естественный порыв или соблазн онтологизировать эти понятия, усмотрев за ними неизменные в своем составе объекты, как бы «выдернутые» из потока времени. С этой онтологизацией у метафизики не возникает никаких противоречий, в отличие от диалектики.

Антиметафизическая ориентация диалектики заставляет отвергать любую формально данную онтологию реальности. Если рассуждающий таким образом исследователь отказывается признавать существование подобного рода объектов, если вслед за классиками диалектического материализма он провозглашает вечное движение систем друг относительно друга, ему необходимо и пользоваться какой-то иной логикой. Деятели советской философии окрестили ее диалектической, хотя в действительности под этим наименованием чаще всего скрывались конструкции, заимствованные из немецкой классической философии (в первую очередь из сочинений Гегеля) и в некоторой степени адаптированные под идеологический контекст. Так что внутренние сложности метафизического подхода к праву можно преодолеть, выйдя на метанаучный уровень обобщения, т.е. сформировав онтологию изучаемой предметной области. При этом формальная логика не благоприятствует отказу от метафизики. Что же касается юридического познания, ориентированного на стандарты диалектического подхода, едва ли его можно реализовать во всей полноте, поскольку развертывание знаково-символических конструкций, если оно направлено на отражение противоречиво развивающейся реальности, обречено на бесконечность. Любое же научное исследование требует остановки, своего рода последнего, фундаментального пункта, аксиомы или нескольких аксиом. Поэтому нет ничего удивительного, что создание теорий государственно-правовой действительности имманентно метафизично. Некоторые марксистские авторы, идя по пути диалектики возможно более последовательным образом, в принципе устраняли правовую реальность как множество автономно существующих объектов, сводя закономерности права к подобию закономерностей общественного базиса, т.е. производственных отношений (таким автором, безусловно, был Е. Б. Пашуканис, считавший сутью права логику обмена благами). Но затруднительно было бы утверждать, что ученые располагают подробно разработанной теорией права, которая представляет собой диалектический антипод по отношению к метафизике. Такая теория всегда только планировалась к созданию, но ее осуществлению препятствовали какие-то обстоятельства, возможно, в большей мере субъективного свойства.

Итак, антидиалектический характер исследовательской методологии, рассматриваемый В. А. Тумановым в качестве неперемennого условия теоретического плюрализма, сохраняется и по сей день в неизменном виде, а работа по освобождению теории государства и права от метафизики пока далека от зримых результатов. Впрочем, автор нигде не говорит в своей работе, что диалектика вытесняет теоретико-описательное многообразие и насаждает вместо него онтологический монизм. Вероятно, для марксистской идеологии данное утверждение представляется самоочевидным, но сегодня данную очевидность справедливо следует поставить под вопрос. По мнению Х.-Й. Зандкюлера, плюрализм как раз-таки плохо совместим с метафизикой. Он пишет: «Если для буржуазного общества с конца XVII в. определяющими были такие концепции права, в которых право в качестве данного права не нуждалось в рациональном обосновании... то теперь предпочтение отдается той очевидности, что право — это положенное право, однажды ставшее позитивным. Кто усваивает это, тот требует рационального обоснования права и исходит из признания его динамики, постоянной изменяемости. Если в результате этого процесса

индивидуальное и коллективное действие фактически перестает регулироваться неоспоримыми “вечными нормами”, то обнаруживается, что и теория права вовлечена в тот же процесс порождения плюрализма»⁹. В данном суждении мы встречаем совершенно иной подход к онтологии правовой действительности, который можно назвать умеренным плюрализмом идеалистического толка. Вероятно, возможны и иные философско-методологические сочетания принципов.

Вторая гносеологическая причина плюрализма учений о праве (правовой идеологии) — это сложность объекта изучения, под которым В. А. Туманов понимает правовую надстройку развитого общества. Он пишет: «Обращаясь к изучению и осмысливанию правовой действительности, ученый сталкивается с рядом составляющих ее и отличных друг от друга компонентов, которые находятся в постоянном развитии и процессе сложного взаимодействия. Это, во-первых, право в собственном смысле слова, т.е. совокупность норм, установленных или санкционированных государственной властью и охраняемых. Это, во-вторых, сфера многообразных правовых отношений, складывающихся в обществе и находящихся в постоянном движении, в-третьих, это сфера применения права — деятельность правосудия, когда нарушены юридические запреты или нормальное развитие тех или иных правоотношений. Наконец, в-четвертых, сфера правосознания — отношения людей, социальных групп, слоев и классов к праву. В свою очередь, каждый из этих компонентов достаточно сложен»¹⁰. В ходе этих справедливых и глубоких размышлений, автор всё же не дает комментария по поводу того, чем с точки зрения гносеологии является данная сложность. Перечисление компонентов правовой надстройки, подлежащих изучению, создает у читателя впечатление, будто бы сложность объекта есть не что иное, как его многосоставность. На первый взгляд кажется, что это так: чем больше частей имеет правовая надстройка или правовая система (считаем эти понятия эквивалентными), тем сложнее ее изучать. Обратное утверждение также представляется очевидным. Представим в порядке мысленного эксперимента, что правовая теория вознамерилась исследовать только и исключительно систему правовых норм, тогда как, например, правосознание и правоотношения с позиций такой ригористичной науки не удостоились бы никакого внимания. Этот подход вряд ли оказался бы плодотворным, но он действительно прост, прост в сравнении с реальной наукой, ведь правовые нормы, сколько бы их ни было, суть объекты одного порядка, носители одних и тех же качеств. Даже задача их классификации решается сравнительно элементарно, что и демонстрируют, кстати, учебники по теории государства и права, предназначенные для студентов первого курса.

Однако к плюрализму теорий ведет не сама по себе многосоставность изучаемой системы, а невозможность редуцировать различного типа сущности к какой-либо единой, базовой сущности. Можно заявить, что без правовых норм не было бы в конечном итоге и правосознания, но закономерности функционирования правосознания не совпадают с закономерностями функционирования системы права (или системы законодательства). Связи между различными компонентами исследуемой системы столь разнообразны, что науке не хватает простого деления на причины и условия, необходимо вводить целый набор градуированных по силе связей, тщательно различая их на всем пути познания.

С этой точки зрения сегодняшняя ситуация ничем не отличается от описанной В. А. Тумановым в начале 1970-х гг. Правовая действительность по-прежнему чрезвычайно сложно устроена, только теперь более заметным становится детерминирующее воздействие на право со стороны технологий — производственных, распределительных, коммуникативных. Само социальное взаимодействие превращается в набор различных технологий, в том числе и полностью автоматизированных, что дает дополнительное подтверждение истинности таким концепциям права, как, например, коммуникативной теории профессора Санкт-Петербургского

⁹ Зандкюлер Х. Й. Демократия, всеобщность права и реальный плюрализм // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 45.

¹⁰ Туманов В. А. Указ. соч. С. 107–108.

университета А. В. Полякова или дискурсивной теории права Ю. Хабермаса. Одновременно в правовых системах возникают ранее не исследованные наукой структуры, например циклические правовые массивы, определение сущности которых при- нуждает исследователя соотнести новое знание с уже имеющимся, т.е. понятийный состав теории продолжает усложняться¹¹.

Перейдем к социальным условиям и факторам теоретико-правового плюрализма. Каждое общество неоднородно, и если эта неоднородность осознается представителями различных социальных групп, между такими представителями возникает либо конфликт, либо кооперация. Но общество всегда оказывается расслоенным так, что одним в наличных условиях комфортно и они не согласны на изменение условий, а другие терпят ограничения материального и иного вида, и потому желают изменений. Наиболее явными конфликты такого типа оказываются именно в эпоху капитализма. Согласно марксистскому учению¹², в капиталистическом обществе повсюду присутствует отчуждение, имеющее как институциональное, так и антропологическое измерения. Эксплуатация труда предполагает отчуждение рабочего от произведенного продукта, когда этот продукт не принадлежит тем, кто его произвел, а также отчуждение самой жизни представителей зависимых классов от способов нормального воспроизводства этой жизни, когда труд рабочего по мере своего осуществления отнюдь не ведет к гармоничному развитию личности рабочего. В конечном итоге в таком обществе до предела обостряются противоречия между трудом и капиталом, в ходе развития которых и благодаря которым возникает разрыв бытия и мышления, при котором мысль утрачивает бытийное измерение, а бытие лишается столь необходимой ему осознанности. С этой точки зрения философским итогом такого движения будут постмодернизм и агностицизм. Тогда любая конкретная идеология, правовая она по своему содержанию или религиозная, моральная или производственная, будет нести в себе зерно заблуждения или прямой лжи, поскольку никаким иным способом указанные выше формы отчуждения не могут быть скрыты от тех, от кого они и должны быть скрыты.

Именно поэтому В. А. Туманов по умолчанию предполагает, что плюрализм учений о праве, свойственный западному миру, есть нечто заслуживающее критики и что этого плюрализма лишена советская правовая мысль. Объяснение этой разницы очень простое, хотя и не формулируется автором подробно. Дело в том, что социалистический тип государственности последовательно ликвидирует отчуждение, равно как и классовое противостояние, вследствие чего общественное сознание и общественное бытие возвращаются к состоянию гармоничной сопряженности и сотворчества. В этом случае общественное сознание не создает химерических конструкций и нет субъектов, чьи потребности могут удовлетворяться только при условии широко распространенных коллективных заблуждений. Следовательно, капиталистическое общество устроено так, что идеология требуется прежде всего для сглаживания классовых противоречий, тогда как идеология социализма способствует координации усилий огромного числа людей ради достижения общепольных целей, поэтому правовая идеология капитализма не заинтересована в производстве и распространении научных истин, тогда как при социализме идеология полностью трансформируется в науку, а истинными признаются те концепции и теории, которые способствуют прогрессивному движению общественных сил как внутри страны, так и в пределах всего мира.

Впрочем, не стоит обманываться насчет внешней простоты социальной морфологии, предлагаемой марксизмом. Помимо классов советская социология выделяла также прослойки общества, туда попадала, например, трудовая интеллигенция, чьи

¹¹ Хабриева Т. Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 5–18.

¹² Центральным текстом здесь следует считать раннюю работу К. Маркса «Экономическо-философские рукописи 1844 года», в которой отчуждение выведено из узкой сферы философского мышления в экономическую науку и вообще (как показала рецепция этого текста авторами XX века) — в идеологию.

взгляды и интересы не могли совпадать с коллективными представлениями ни пролетариата, ни крестьянства, что очевидно. И поэтому в сфере общественного сознания, современной исследованию В. А. Туманова, бытовали не только строго несовместимые взгляды и теории, но и такие представления, которые не определены в соотношениях друг с другом. Но автор о таких представлениях не говорит, поскольку с марксистской точки зрения они периферийны и не определяют всецело ландшафт общественной мысли. Однако по мере замены социализма капитализмом такой неопределенности становится больше, но об этом в начале 1970-х гг. еще никто не знал.

По Марксу и Энгельсу, любая общественно-экономическая формация характеризуется классовым антагонизмом, точнее, в ее пределах можно усмотреть признаки как противостояния, так и компромисса. По мнению марксистов, каждый такой межклассовый компромисс лишен прочности и существует сугубо временно, тогда как антагонизм более фундаментален и существует вплоть до революционного разрешения проблемы. Но ведь известно, что общественное сознание не сразу, а с некоторым опозданием отражает перемены в общественном бытии, поэтому и постреволюционное развитие того или иного государства вовсе не обязательно сопровождается торжеством прогрессивной идеологии. С другой стороны, верно и обратное: среди идейного многообразия, допускаемого капитализмом, возможно возникновение прогрессивной правовой идеологии, резко отличной от большинства реакционных концепций. В конце концов, она откуда-то должна взяться по законам той же материалистической диалектики. Например, сам марксизм возник из синтеза немецкой классической философии, французского утопического социализма и английской политической экономии. Правда, собственно правовой составляющей в марксистском учении было всегда крайне недостаточно для прямого концептуального заимствования.

Представим, что марксистский взгляд на общественное устройство сегодня не может быть принят без ряда уточнений, поправок, дополнений, к числу которых, например, относится тезис о существенной неоднородности как буржуазии, так и пролетариата, о размытости этих двух понятий относительно строго эмпирических исследований, о наличии неких промежуточных слоев в общественной структуре и т.д. Конечно, то, о чем рассуждал В. А. Туманов в своей монографии, представлялось абсолютно верным пятьдесят лет назад, особенно если брать за основу развитые капиталистические государства. Но у нас нет уверенности, что выявленные в то время зависимости одних социальных процессов от других сохраняют свою обоснованность.

Как сегодня обстоит дело с морфологией социальной реальности? Полного и точного ее описания, как представляется, нет, хотя это не означает, что его не может быть. Безусловно, капиталистическое общество может и в наше время рассматриваться как пространство существования классов, а модусами этого существования могут выступать как борьба, так и компромисс. Однако современные социологи предпочитают говорить о социальной стратификации, которая отличается от классового деления более дробной структурой и отсутствием тезиса о непримиримых противоречиях, носящих объективный характер. В целом социальная наука не отказывает противоречиям в наличии, но их роль в значительной мере пересмотрена¹³, так что и учение о социальной революции как единственном способе устранить всеобщее отчуждение также лишено популярности и разделяется сегодня немногими левыми мыслителями. При этом, на наш взгляд, не исчезает возможность маскировки посредством понятийно-категориальных структур действительного интереса определенных общественных групп, суть которого состоит в искажении

¹³ Как неоднократно утверждал в своих статьях и выступлениях А. И. Клименко, современный капитализм способствует перенесению классовой борьбы в сферу дискурса (см.: *Клименко А. И. Природа и функции правовой идеологии // Векторы развития общеправовой теории как векторы правопонимания : сборник научных статей. М. : Граница, 2013. С. 162–163*).

подлинного предназначения государственно-правовых институтов, тем более что ресурсы для такой маскировки есть. Для этой цели, безусловно, подходит любая идеалистическая, точнее метафизическая концепция права, отрывающая часть от целого и объявляющая эту часть завершенным целым. Упомянутый нами выше коммуникативный или дискурсивный подход к праву также может быть оценен как содержащий имплицитное метафизическое ядро, которое, впрочем, и должно входить в его состав, дабы концепция не превратилась в ничем не сдерживаемый релятивизм. Впрочем, мы далеки от необоснованных подозрений пропонентов коммуникативного подхода к праву в интеллектуальной или нравственной нечестности. Их пребывание в пределах метафизического мышления свидетельствует не о том, что диалектика, взятая на новой философской основе, сложна и непосильна для них, а скорее о том, что пока не созрели конкретно-исторические условия для преодоления коммуникативного взгляда на право ввиду его односторонности. В этом отношении очень ценным является наблюдение Р. И. Таллера, который утверждал: «Любой господствующий класс в целях сохранения общества в целом как условие самосохранения вынужден признать общезначимость тех социальных явлений, которые объективно являются общечеловеческими ценностями и закрепить их в нормах права»¹⁴. Эта потребность выражается в осознанной идеологической нейтрализации определенных ценностей и смыслов, суждений и норм, которые могут быть противопоставлены любой конкретной идеологической системе убеждений. Именно потому, что это противопоставление совершается посредством дискурса, на сегодняшний момент коммуникативный подход объективно не является односторонним, и степень полноты описания права представляется носителям данного подхода достаточной, а ввиду определенных социально-экономических и других, в том числе духовных условий она действительно является достаточной. Чем более сложным по своему устройству является общество, тем более насущной проблемой являются переговоры, посредничество, компромиссы, что актуально и для сферы права, в которой некоторые современные эксперты отыскивают случаи «смягчения» изначально жесткого механизма правового регулирования. Всё это свидетельствует о востребованности и метафизики, и идеологии коммуникативного подхода к социальным явлениям, среди которых видное место занимает право, создающее своего рода нормативную рамку для мышления о любых общественных институтах (чего не могло быть в позитивистской парадигме, но не исключалось сторонниками натурализма).

Подведем итоги нашим размышлениям. Во-первых, существует потребность обсуждать онтологическую сторону теоретико-правового плюрализма отдельно от гносеологической стороны. У самого В. А. Туманова это разделение проведено иначе: наряду с гносеологическими причинами и условиями плюрализма обозначены социальные и исторические. Онтология общества напрямую не копируется в сферу права, но сложным образом отражается и легитимируется в ней.

Во-вторых, сохраняется необходимость различать причины и условия (факторы) множественности учений о сущности и предназначении права. Набор условий изменяется достаточно медленно, тогда как причины образуют более подвижную целостность.

В-третьих, конкретный состав причин и факторов теоретико-правового плюрализма должен быть переопределен по сравнению с версией В. А. Туманова следующим образом. Морфология общественной реальности сохраняет определяющее и одновременно дополняющее воздействие на правовую науку. Отсутствие общеобязательной идеологии способствует временному забвению проблематики, присущей метанаучному уровню, поэтому обнаружение правовой мыслью своих мировоззренческих основ осуществляется отдельно от методологической рефлексии, ввиду чего метафизические учения оказываются важнее учений диалектических.

¹⁴ Таллер Р. И. Философия как логика и методология познания права. Куйбышев, 1989. С. 37.

В-четвертых, сохраняется невозможность или нецелесообразность внешнего устранения теоретико-правового плюрализма через какие-либо принудительные воздействия на дискурс. Вооружившись материалистическим философским мировоззрением, можно с уверенностью прогнозировать, что трансформация правовой мысли в сторону монистических установок будет осуществляться только в том случае, если для этой трансформации в обществе будет присутствовать некий запас или мера духовной свободы, что в условиях современных технологических инноваций видится проблематичным, хотя и не исключается.

Таким образом, исследование В. А. Тумановым причин и условий теоретико-правового плюрализма сохраняет определенную актуальность и значимость, способствуя рефлексивным размышлениям сообщества ученых-юристов как над собственным мировоззрением и условиями его воспроизводства, так и над методологией познания права, исходя из ее многоуровневого характера. Изменение социально-политического контекста, в который погружена правовая мысль, лишь смещает равновесие между противоречащими философскими установками, но не отменяет необходимости дальнейшей разработки всего комплекса закономерностей развития права и правосознания. Превосходный образец исследования, данный нам В. А. Тумановым, стоило бы не только сохранять, но и развивать, адаптируя приемы мысли к общественно-политическим реалиям первой четверти XXI столетия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бирюков С. В. К вопросу о правовом плюрализме // Журнал российского права. — 2016. — № 2. — С. 16–26.
2. Зандкюлер Х. Й. Демократия, всеобщность права и реальный плюрализм // Вопросы философии. — 1999. — № 2. — С. 35–50.
3. Керимов Д. А. Философские проблемы права. — М. : Мысль, 1972. — 472 с.
4. Клименко А. И. Природа и функции правовой идеологии // Векторы развития общеправовой теории как векторы правопонимания : сборник научных статей. — М. : Гранита, 2013. — С. 155–164.
5. Меркулов И. П. Теория как метод научного познания // Вопросы философии. — 1985. — № 3. — С. 39–49.
6. Сырых В. М. Логические основания общей теории права. Т. 1 : Элементный состав. — 2-е изд., стер. — М. : Юстицинформ, 2004. — 528 с.
7. Таллер Р. И. Философия как логика и методология познания права. — Куйбышев, 1989. — 167 с.
8. Туманов В. А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве // Избранное. — М. : Норма : Инфра-М, 2010. — С. 63–307.
9. Хабриева Т. Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. — 2019. — № 12. — С. 5–18. — DOI: 10.12737/jrl.2019.12.1.

REFERENCES

1. Biryukov SV. On the issue of legal pluralism. *Journal of Russian Law*. 2016;2:16-26. (In Russ.).
2. Kerimov DA. Philosophical problems of law. Moscow: Mysl; 1972. (In Russ.).
3. Khabrieva TYa. Cyclic Normative Arrays in Law. *Journal of Russian Law*. 2019;12:5-18. (In Russ.). DOI: 10.12737/jrl.2019.12.1.
4. Klimenko AI. Nature and functions of legal ideology. Vectors of the Development of General Legal Theory as Vectors of Legal Understanding. Collection of Research Papers. Moscow: Granitsa Publ.; 2013. (In Russ.).
5. Merkulov IP. Theory as a method of scientific knowledge. *Voprosy filosofii*. 1985;3:39-49. (In Russ.).

6. Syrykh VM. Logical foundations of the general theory of law. Vol. 1: Elemental Composition. 2nd ed. Moscow: Justitsinform Publ.; 2004. (In Russ.).
7. Taller RI. Philosophy as logic and methodology of knowledge of law. Kuibyshev; 1989. (In Russ.).
8. Tumanov VA. Bourgeois legal ideology. To criticism of law teachings. Selected Works. Moscow: Norma; Infra-M Publ.; 2010. (In Russ.).
9. Zandkuler KhY. Democracy, universality of law and real pluralism. *Voprosy filosofii*. 1999;2:35-50. (In Russ.).